

Специально для «НВ»

Академик Виталий Гинзбург: «Академия наук должна быть частью гражданского общества»

Вот уже более полутора лет наш выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии академик Виталий Лазаревич Гинзбург прикован к постели тяжелой болезнью. Однако он мужественно борется с ней, не прекращает научной работы, редактирует журнал «Успехи физической науки» и живо следит за событиями в стране и мире. Несмотря на нездоровье, он принял в больнице, где проходит лечение, нашего корреспондента **Валерия КАДЖАЯ** и поделился с ним своими размышлениями о судьбах отечественной науки.

Выбирать или назначать?

– В нынешнем году предстоят выборы нового президента Академии наук. Очень упорно муссируются слухи, что его будет назначать президент РФ, а не избирать академия.

– До революции президент академии назначался царем. В советское время стали избирать. Но это были формальные выборы. Фактически президента Академии наук назначало политбюро. Я, например, знаю подробности того, как стал президентом Сергей Иванович Вавилов. Сталину было предложено несколько кандидатур, и он остановился на Вавилове, несмотря на то, что брат Сергея Ивановича, выдающийся ученый Николай Иванович Вавилов, был репрессирован и погиб в тюрьме. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» осудил Сергея Ивановича: мол, продался Сталину, несмотря на убийство брата. Это совершенно неверно. Это был действительно лучший выбор. Сергей Иванович, во-первых, делал все, чтобы освободить брата, и как о собственных заботился о его сыновьях, Олеге и Юрии. Оба стали физиками, младший, Юрий, до сих пор работает там же, где и я, – в ФИАНе. Так что Сергей Иванович вовсе не предал брата. Он вел себя героически и старался спасти науку, что ему во многом и удалось. Я написал об этом Солженицыну, когда он вернулся в Россию. Мы с ним знакомы с 1963 года. Александр Исаевич мне позвонил и сказал: «Ну, очень хорошо», – но исправил ли он в ГУЛАГе это место, я не знаю. Вот сейчас Солженицын издает полное собрание своих сочинений, посмотрим, исправил ли. Если не исправил, то это очень плохо. Он мог ошибиться, не имея информации, но я послал ему соответствующие материалы.

– Академик Велихов тоже считает, что назначение предпочтительнее, потому что выборы связаны с клановостью и президенту РАН потом надо будет лавировать между различными группами.

– Я с этим совершенно не согласен. Конечно, всякие выборы имеют свои недостатки, но назначать – еще хуже. Выборы дают возможность в случае, если вам навязывают слабого кандидата, завалить его. Поэтому к назначению президента Академии наук как к процедуре я отношусь резко отрицательно. И не нужно его утверждать, это тоже уловка. Там есть такой пункт: сначала президента академии выбирают академики, а потом его утверждает президент РФ. Тут, конечно, будет прямое давление, это дает чиновникам дополнительные рычаги власти.

Я вообще считаю, что академия должна быть частью гражданского общества. То есть не государственным, а общественным учреждением. А то, что ей выделяют деньги из государственного бюджета, это ничего не значит. Давайте деньги и контролируйте их расходование – я не против такого контроля. Но я против контроля за поведением академиков.

И очень важно, чтобы при выборах президента и членов президиума РАН соблюдался возрастной ценз. Нельзя, чтобы ответственные руководители были старше 70 или, в крайнем случае, 75 лет. В мое время, при советской власти, было совершенное безобразие: можно было оставаться директором института до 90 лет и так далее. Человек уже ходить не может, а тут такая ответственность. Возрастной ценз – не досужая выдумка. Для руководства такой машиной, как РАН, нужны огромные физические силы. В моей памяти осталось два выдающихся президента АН – Вавилов и Келдыш. Оба были большие ученые и прекрасные организаторы.

На дорогие вещи денег не жалеть

– Вам как физику ближе эта наука. Где у наших ученых остаются по-прежнему сильные позиции: в физике твердого тела, астрофизике, ядерной физике и так далее?

– Я думаю, более сильные позиции у нас в физике конденсированного состояния. Что касается физики элементарных частиц, то поскольку у нас нет современного мощного ускорителя, она уже не играет той лидирующей роли, как прежде. Работать приходится в основном на заграничных установках. А физика конденсированного состояния, то есть твердого тела, жидкостей и так далее, – она не требует сверхсложного оборудования. Я вообще-то физик широкого профиля, теоретик, в частности, много занимался физикой сверхпроводимости, за что, собственно, и получил Нобелевскую премию. До меня за выдающиеся открытия в сверхпроводимости и сверхтекучести стали лауреатами Нобелевской премии Ландау и Капица. Возможно, это объясняется тем, что именно в этой области не нужны мощные установки, затраты на оборудование несравненно меньшие, можно сказать, в разы. В настоящее время важнейшая проблема в области сверхпроводимости заключается в освоении так называемых высокотемпературных сверхпроводников, охлаждаемых жидким азотом. Главное же, о чем мечтают физики, – это о создании комнатно-температурных сверхпроводников, то есть материалов, остающихся сверхпроводящими при комнатной температуре. Это типичная задача фундаментальной науки. В связи с этим я выдвинул проект создания специальной лаборатории. Для этой цели нужны не миллиарды долларов, а всего лишь 15–20 миллионов и затем по 2–3 миллиона ежегодно на содержание лаборатории. Об этой своей идее я написал Владимиру Владимировичу Путину. Письмо отправил 10 февраля, но пока, как говорится, – ни ответа, ни привета. Боюсь, как бы оно не утонуло в бюрократических проработках. А если все-таки письмо мое дойдет до президента, то очень надеюсь на положительный ответ. Деньги, можно сказать, мизерные, но отдача будет несопоставимо

весомая. Вот почему я за развитие у нас физики низких температур: мы имеем хорошие традиции в этой области, школу, специалистов, и, главное, нам это вполне по карману.

Демократия – это образ мыслей

– Вы относитесь к тем ученым, которые не замыкаются в науке, но активно откликаются на общественные события в стране и за рубежом. Что в нашей жизни волнует вас сейчас больше всего?

– Я по своим убеждениям демократ, и мне очень не нравится многое, что сейчас происходит в нашей стране. Ну, например, сажают ученых и дают им 14 лет – это Данилов. Дикость какая-то! Специалисты утверждают, что Данилов ни в чем не виноват, ФСБ же находит каких-то липовых экспертов, и человеку присуждают такой срок. Мне бояться нечего, меня уже не посадят, но, к сожалению, мой протест – это сотрясение воздуха. Мне не нужна имперская Россия или тоталитарная Россия, мне нужно, чтобы моя страна, в которой я родился и живу, стала наконец страной, в которой бы хорошо жилось всем людям. Патриотизм заключается в том, чтобы бороться с конкретными отрицательными явлениями. Вот я борюсь, с чем могу.

Первое – это то, что молодежь сейчас не идет в науку. Причина здесь в том, что наука стала не престижна как профессия. Я создал фонд «Успехи физики». Его цель – помочь молодым талантливым ученым. Но нужны деньги. Для этого не хватит не только моей Нобелевской премии, но даже еще ста таких. Увы, наши олигархи не слишком щедры, проблемы российской науки, в частности физики, волнуют их, к сожалению, очень мало.

Второе – это борьба с лженаукой, в частности с астрологией. Даже серьезная пресса печатает астрологические прогнозы. Они, видите ли, дают прибыль. Значит, ради каких-то копеек одурманивать население? Это возмутительно.

Третье – борьба с клерикализмом. У нас привыкли считать атеизмом воинствующее безбожие. Это абсолютная чепуха. Что такое воинствующее безбожие? Давай сажай попов, круши церкви и так далее – это все противоречит свободе совести. Я сам убежденный атеист, но с уважением отношусь к чувствам верующих. Считать атеиста воинствующим безбожником – это все равно что любого правоверного католика считать сторонником инквизиции. У нас светское государство. Религия, согласно конституции, отделена от государства. В то же время Русская православная церковь явно находится с этим в противоречии, старается захватить все, что можно. Больше всего меня тревожит проникновение церковников в школу. Они хотят, видите ли, чтобы в младших классах преподавали Закон Божий под видом истории православной культуры. Говорят, это факультативно, не хочешь – не ходи. Но, во-первых, мы знаем, что такое факультатив в школе. Я настаивал, чтобы академия обсудила вопрос о вере, ведь это две идеологии: научное мировоззрение и религиозное. Кому, как не академии, разобраться с этим вопросом. Но нет, ничего не хотят делать.

Меня, атеиста, поражает, как нетерпимы представители разных конфессий, даже в рамках одной религии: христианской, мусульманской или иудейской. Посмотрите на взаимоотношения католиков и православных, а ведь верят, на словах, в одного Бога. Меня поражает пассивность атеистов, хотя большинство образованных людей сегодня или вообще не верующие, или совершенно равнодушны к религии. На этой почве происходит возрождение клерикализма, то есть возврат назад в общественном развитии. Почему-то понятия духовности и религиозности стали синонимами. Я за свободу совести, но прежде всего – за свободу мысли, а ее дает только наука.

Повышение зарплат и понижение статуса

– Верите ли вы, что зарплата ученого в результате реформ составит в среднем тысячу долларов? Пока что на сегодняшний день ставка профессора в академическом институте равна всего шести с половиной тысячи рублей, то есть примерно 230 долларам.

– Ответить, что будет в 2008 году, я не могу, но многие считают, что это нереально, хотя жизненно необходимо для развития нашей науки. Ее недостатки в огромной степени связаны с тем, что зарплата ученых мала, поэтому люди числятся в институте, а работают в основном в коммерческих структурах, многие уезжают за границу. Вместе с тем следует иметь в виду, что все большую помощь оказывают различные гранты, основная доля которых приходится – чем дальше, тем больше – на отечественных спонсоров.

Конечно, повышение зарплаты научных работников, как, впрочем, врачей и учителей, совершенно необходимо, но это широкий политический вопрос. Я не политический деятель, мне трудно сказать, удастся или нет правительству выполнить обещанное. Но одно для меня несомненно: если не будет выделено больших средств на науку, то никакого подъема ее, а тем более расцвета, не произойдет.

– **Вопрос не только в зарплате ученого. За последние десять лет износ всей материально-технической базы достиг критического уровня. При этом современная наука требует все более дорогого оборудования, все более дорогих технологий.**

– Вы совершенно правы. Вот, например, в США для поиска гравитационных волн – эта проблема начала обсуждаться еще при жизни Эйнштейна – созданы две установки, которые обошлись в 500 млн долларов. В американском проекте участвует и профессор МГУ Владимир Борисович Брагинский. Кстати, одна из хороших возможностей поддержать нашу науку на должном уровне – участие в совместных проектах. В известном на весь мир Центре физики элементарных частиц в Женеве (ЦЕРН) работает большая команда российских физиков. Но все равно без затрат на собственную науку не обойтись, если мы хотим остаться великой державой. Говорят, что нам такие затраты сегодня совершенно не по плечу, и это в то время, когда в Стабилизационном фонде накоплено благодаря удачной конъюнктуре на нефтяном рынке более 200 млрд долларов! Почему из таких колоссальных средств нельзя выделить хотя бы один миллиард на развитие фундаментальной науки? Так не бывает, чтобы мозги – наши, а деньги – ваши. Постепенно мозги станут тоже не нашими. Да и сами мозги, как и оборудование, стареют. Средний возраст доктора наук в настоящее время – 60 лет и выше, а в целом средний возраст ученого в России превышает 50 лет.

Самый продуктивный возраст в естественных науках и в математике колеблется где-то на рубеже 30–40 лет. Физика – наука молодых.

– **Но не получится ли так, что процесс отставания окажется необратимым?**

– Предсказывать я не могу, но что значит необратимым? Что, вообще погибнет наша наука?

– **Та же статистика показывает, что от 27 до 45 лет в отечественной науке нет пополнения. Уйдут мэтры – и некому будет их заменить.**

– Если будет решен вопрос необходимых инвестиций, нам удастся восстановить потенциал советской науки. Правда, я слышал, что речь идет только о зарплате, а на оборудование ничего не планируется. Но это полный абсурд.